
«Онтологическая» фикция

© 2020 г. Е.Г. Соколов

*Институт философии СПбГУ,
Санкт-Петербург, 199034, Менделеевская линия, д. 5.*

E-mail: EGSlov@gmail.com

Поступила 26.11.2019

В статье затрагиваются проблемы, связанные с осмыслением статуса медиаобразования среди современных познавательных практик. Также рассматривается специфика эвристических ресурсов медиаобразования. Автор статьи подчеркивает, что в рамках классической эпистемологической парадигмы невозможно в полной мере ни умозрительно «схватить», ни институционально легализовать автономность и необходимость самого предмета рассмотрения. Это связано не столько с тем, что медиаобразование как феномен находится в стадии самоопределения, но в первую очередь с его онтологической «фиктивностью» и рассредоточенностью по различным прикладным, отдельным и частным областям знания. В статье проводится мысль о том, что попытка утвердить медиаобразование в пределах традиционного для новоевропейского познания горизонта может лишь привести к профанированию и дискредитации как самого предмета, так и совершаемых процедур. Эвристически продуктивным представляется такой подход, при котором происходит коррекция оптики исследования, а само медиаобразование трактуется лишь как прецедент и симптом, обусловленный радикальными сдвигами. Они происходят в концептосфере и касаются таких фундаментальных констант, как реальность, пространство, время, антропологические предустановки, конституирование мироокружного и пр.

Ключевые слова: онтологический статус, образование, современные познавательные практики, концепт реальности, медиареальность.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–13–16

Цитирование: Соколов Е.Г. «Онтологическая» фикция // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 13–16.

Ontological Fiction

© 2020 Evgeniy G. Sokolov

St. Petersburg State University,
5, Mendeleevskaya Line, St. Petersburg, 199034, Russian Federation.

E-mail: EGSlov@gmail.com

Received 26.11.2019

The article deals with the problems associated with the understanding of the status of media education among modern cognitive practices. The specificity of its heuristic resources is also considered. The author of the article emphasizes that within the framework of the classical epistemological paradigm, it is impossible to fully intelligible capture or institutionalize the autonomy and necessity of the subject under consideration. This is not so much connected with the fact that media education as a phenomenon is in the stage of self-determination, but primarily with its ontological “fictitiousness” and dispersal over various applied, separate and specialist areas of knowledge. The article suggests that any attempt to establish media education within the traditional horizon of modern European cognition can only lead to profanation and discreditation of both the subject itself and the procedures being performed. Such an approach seems to be heuristically productive, in which there is a correction of the research optics, and media education itself is interpreted only as a precedent and symptom due to radical shifts. They occur in the conceptosphere and relate to such fundamental constants as reality, space, time, anthropological presets, the constitution of the world’s surroundings, etc.

Keywords: ontological status, education, modern cognitive practices, concept of reality, media reality.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–3–13–16

Citation: Sokolov, Evgeniy G. (2020) ‘*Ontological Fiction*’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 3 (2020), pp. 13–16.

Медиаобразование – и как проблема/дефиниционный маркер, и как практика/действие, и как объект/предмет специализированных спекуляций – несомненно является фикцией. «Онтологической» фикцией. В самом деле: даже беглого взгляда на высказываемые в различных обстоятельствах мнения и «заинтересованными» инстанциями, и просто сочувственно созерцающими «текущие процессы жизни» достаточно, чтобы в полной мере осознать, что, собственно, предмет отсутствует. Как автономный, наделенный в полном объеме набором характеристических черт. Иначе говоря, он, предмет (медиаобразование), лишен сколь-нибудь внятных и очевидных маркеров идентичности. И дело совсем не в том, что он недавно явлен и, следовательно, порождаемые им дискурсы проходят естественную и неизбежную стадию самоопределения и формирования, когда многое еще не прояснено. Дело в другом: артикулируемые здесь мысли, равно как совершаемые/рекомендуемые в данном реестре реальности действия, рассредоточены и расплынены по уже существующим юрисдикциям. Развернутый перечень направлений медиаобразования обычно включает следующие направления: образование профессионалов в медиасфере; образование преподавателей всех уровней; обязательное и дополнительное образование подрастающего поколения (от детсадовской ступени до самой высшей); дистанционное регламентированное образование (т. е. позиционируемое именно как образовательный сегмент) населения посредством

современных медиа и, наконец, самостоятельное и непрерывное (т. е. существующее не как собственно образовательный импульс, минимально регламентированное). И если убрать «медиа» и оставить лишь «образование», то ничего не изменится. Все те проблемы, вопросы, задачи, рекомендации, действия и усилия, что могут быть в принципе номинированы в качестве значимых в медиаобразовании, вполне могут быть аккумулярованы, рассмотрены и оценены в пределах *просто* образования, в рамках теорий и технологий «производства» желаемого антропологического материала.

Пафосные эпитеты – коренное, радикальное, принципиально новое, революционное, эпохальное и пр., – которыми грешат все рассуждения, так или иначе связанные с медиаобразованием, очень преувеличены и едва ли должны приниматься за нечто большее, нежели стилистически-риторические фигуры. Вопросы и проблемы, как мне кажется, достаточно ясны, что не означает – простые – ни при осмыслении, ни при выработке практических рекомендаций. И они вековечны: технологии наладки жизни человека, инструментальной оснастки повседневности в конкретно исторических условиях, включающей весь обозримый на данный момент комплекс умозрительных или процессуальных устремлений человека. Подобных революций в истории человечества было множество: время от времени состав окружающих людей предметов, равно как и их функционирование, обновлялся. В любую эпоху и в любом регионе Земли процесс освоения обозреваемого пространства жизни, овладение им, функциональная наладка мироокружного – существенно. И вопрос не в том, в какой замысловатой наличности сей инструментальный набор представлен, но – в горизонте, т. е. в трактуемом как *присутствующее*, и, разумеется, в оптике. В этом смысле навыки использования, например, колеса, компаса, клипсидры, печатной машинки, парового станка, аналогового телевидения и пр. ничем *принципиально* не отличаются от тех навыков, которыми должен обладать современный человек для того, чтобы жить «нормальной жизнью». Сюда, разумеется, включается весь набор предметов, практик и представлений, из которых составлен экзистенциальный дизайн ныне живущего. И тут не может быть каких-либо сомнений или колебаний, тем паче – предмета для дискуссий: если тот или иной «предмет» вошел в обиход, если есть объективно-ситуационная необходимость его применения – то вопрос в том, «нужен ли он мне?». При всей тотальности вторжения современных технологий в повседневность, все же думаю, что и многие иные инстанции (космогонические, биологические, географические, хтонические, эйдетические, ментальные, культурно-этнические и пр.), участвующие в антропологической дрессуре, также существенны.

Однако на медиаобразование можно бросить взгляд и с онтологически-гносеологической позиции и рассмотреть его как «прецедент» или «симптом», апеллирующий в том числе и к фундаментальному. В той же мере, как медиаобразование сопрягается с образованием, оно коррелирует и с концепциями и философиями медиа. Но в последнем случае дискурсивный регион, к которому неизбежно происходит отсылка, уже не ориентирован исключительно на прикладные-практические регистры. Он включает и такие сущностные аспекты, как реальность, медиареальность, условия, обстоятельства и возможности его обнаружения, в том числе и посредством артикулированных серий, которые стали не просто возможны, но и явлены благодаря технологическим инновациям последнего полувека. Медиаобразование, взятое как дефиниционно-вербальный маркер, в этом смысле не является экстраординарным феноменом. В других знаковых режимах мы можем обнаружить аналогичные тенденции, а потому рассматривать их как суверенные, составляющие единый комплекс, успешно существующий именно благодаря современной медиареальности, вполне допустимо. Со сходными понятийными (и вербальными, и невербальными) маркерами мы существуем довольно давно, хотя и не вековечно. И все они в той же мере, как и медиаобразование, лишены какого-либо убедительного «онтологического» (или хотя бы процессуального) алиби. Более того, рискну утверждать, что само существование социально-гуманитарной сферы зиждется на подобных базовых допущениях, проговариваемых, актуализируемых

и обретающих статус «онтологически значимых» именно благодаря подобным медийным операторам. Человек, народ, государство, нация, национальная идентичность, политика и пр. – в ряду привычных и не оспариваемых. Во всех перечисленных случаях проигрывается один и тот же сценарий: Единичное (безусловное, онтологически фундированное) замещается, а благодаря современным технологиям, очерчивающим медиареальность, и вовсе ликвидируется Всеобщим. Однако это не повторение в новых условиях вековой оппозиции реализма и номинализма. Подчинение не ведет к исчезновению контрагента. В нашем же случае Единичное не предусматривается изначально. Если быть точнее, то речь скорее всего можно вести о единичностях, генетически и исторически никак не связанных друг с другом. Такая процедура и допускает, и предполагает, что в число подобных элементов может быть потенциально введен любой факт реальности. Как именно протекает этот процесс, достаточно подробно рассмотрено в работах М. Фуко (власть), П. де Мана (человек), С. Жижека (политика), А. Бадью (государство) и др. В итоге формируется автономный, но не жестко регламентированный по составу, реестр реальности. Поскольку же сам реестр не нуждается в каком-либо соотношении с обстоятельствами реальной жизни и не нуждается в реабилитации, он может до бесконечности множиться и формировать самые разные, порой причудливые, последовательности.

Возвращаясь к медиаобразованию: таковым может быть все, что угодно, что так или иначе, напрямую либо «в конечном счете», связано с существованием человека и обустройством человеческой жизни. При условии, что будет предъявлен соответствующий пропуск в виде «современного ракурса» либо какого-либо из кодовых слов вроде «медиа». В основании же различия лежит постулированный принцип, сформулированный на основе идей Г.М. Мак-Люэна, и запечатленный в крылатой фразе «Средство передачи сообщения и есть содержание сообщения».

Само по себе медиаобразование не может быть фундаментальной проблемой, но лишь прикладной. Соответственно, их исследование и поиск решений – дело соответствующих дисциплин, которые в меру собственных компетенций и должны ими заниматься. Тем не менее сам факт появления медиаобразования в горизонте исследовательского внимания заслуживает интереса. Ибо дело касается не только конкретного симптома, но тех процессов, что его спровоцировали. Попробую указать, где произошли и происходят весьма значительные сдвиги. Это, в первую очередь, концепт реальности. Классические, да даже и постклассические эпистемологические предустановки едва ли в полной мере способны предоставить адекватные современным обстоятельствам объяснительные шаблоны. Столь же неубедительными являются и пространственно-временные регламенты, равно как и антропологические. Если современная реальность будет определена как медиареальность, то вопрос должен касаться в первую очередь не конкретного словоупотребления или целесообразности использования того или иного термина, но – тех горизонтов данности, которые он скрывает/являет.

Сведения об авторе

СОКОЛОВ Евгений Георгиевич –
доктор философских наук, профессор,
Институт философии, СПбГУ, Санкт-Петербург.

Author's Information

SOKOLOV Evgeniy G. –
DSc in Philosophy, Professor, Institute of philosophy,
St. Petersburg State University, Saint-Petersburg.